

АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПЬЕРА БУРДЬЕ

ШМАТКО Наталья Анатольевна - кандидат философских наук, руководитель Российской-французского центра социологии и философии Института социологии РАН.

П. Бурдьё (1930-2002 г.), несомненно, является одной из наиболее значимых фигур современной социологии, завершивших двадцатый век. Глава кафедры социологии Коллеж де Франс, руководитель Центра Европейской социологии, профессор Высшей школы социальных наук, главный редактор журнала "*Actes de la recherche en sciences sociales*", руководитель издательства "*Liber-Raison d'agir*" - он сумел организовать свою школу и сплотить вокруг себя большой круг последователей и единомышленников в разных странах мира, от США до Японии.

Говоря о генетическом структурализме П. Бурдьё, нам следует обратиться к триаде: "поле" - "капитал" - "габитус"¹, вокруг которых выстраивается его система, включающая целый арсенал взаимосвязанных и соопределяющихся понятий, дающих возможность обращаться к анализу самых разнообразных социальных явлений. Генезис этого подхода, уже в силу самих его основополагающих принципов, требует рассмотрения, хотя бы в самом общем виде, той интеллектуальной и социальной ситуации во Франции, которая составляла условия возможности становления П. Бурдьё как ученого. В пятидесятые-шестидесятые годы XX века во французской философии наиболее выпукло были представлены три влиятельных направления: феноменолого-экзистенциализм (объединявший "Феноменологию духа" Г.В.Ф. Гегеля и феноменологию Э. Гуссерля, Ф. Ницше и С. Кьеркегора, М. Мерло-Понти и М. Хайдеггера, проводниками которых в университетской среде были Ж. Валь, А. Кожев и Ж. Ипполит), структурализм и марксизм. Под влияние феноменолого-экзистенциализма в пятидесятые годы попали многообещающие молодые философы: М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида. Именно в этом философском контексте следует рассматривать становление социологической теории П. Бурдьё. Многие социологи (по большей части, преподаватели) находят истоки его вдохновения в трудах К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и Э. Кассирера. Это, несомненно, не лишено основания, но все же представляет собой весьма упрощенный взгляд, ограниченный университетской программой [18-21]. Безусловно, можно проследить, как истоки генетического структурализма

От лат. *habitus* - свойство, состояние, положение.

восходят к классикам, но это не означает, что он исчерпывается комбинацией положений, принадлежащих классикам. П. Бурдьё впитал и преодолел, буквально подверг "снятию" (в гегельянском смысле этого слова) многие социологические и философские течения XX века, поскольку они возбуждали его неподдельный интерес, и поскольку ни одно из них не могло полностью его удовлетворить. Отношение П. Бурдьё к современным направлениям философии и социологии, а также интеллектуальная атмосфера во Франции в середине XX века последовательно раскрыты им в книге "Паскалевские размышления" [13]. Здесь мы находим личностные ответы на вопросы о взаимодействии философии и социологии, а также квинтэссенцию интроспективного социоанализа, развиваемого в более ранних работах обобщающего характера: "Вопросы социологии" [17], "Начала" [1], "Ответы" [16], "Практические доводы"² [14]. Подобного рода рефлексия над истоками и основаниями собственных работ и, в частности, анализ сходства и различий своей позиции с взглядами Л. Альтюссера, Л. Витгенштейна, Г. Гарфинкеля, И. Гоффмана, Ж. Делеза, Э. Кассирера, К. Леви-Строса, Т. Парсонса, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, Ю. Хабермаса, А. Шюца, Н. Элиаса представляет особый интерес. Он помогает читателю контекстуализировать генетический структурализм, объективировать условия его становления. Глубокое освоение, разрыв и преодоление - вот основные механизмы, приведшие П. Бурдьё к формированию собственного "синтетического" направления, названного впоследствии "генетическим структурализмом". "С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символическом, языке, мифах и т.п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, - социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами, и что обычно называют социальными классами" [1, с. 181-182].

Общие принципы структурно-генетического анализа

Опыт антропологических и социологических исследований привел П. Бурдьё к выводу, что операции разрыва с повседневным опытом и построения объективных связей чреватy опасностью придания им статуса реально существующих вещей, возникших помимо индивидуальной или групповой истории. Отсюда тезис о необходимости борьбы с *реализмом структуры* и с жестким детерминизмом, постулирующим полную зависимость индивида от объективных социальных отношений. С другой стороны, субъективизм, индивидуалистическая тенденция рассмотрения человека лишь как совокупности своеобразных личностных характеристик (рациональный выбор, вкус, способности, пороки, стремления и проч.), примат свободы субъекта, отрицание общественных детерминаций и т.п., предостерегает, по мнению П. Бурдьё, не меньшую опасность для социальной науки. Он считает, что только обращение к практике - к этому "диалектическому месту *opus operatum* и *modus operandi* - объективированным и инкорпорированным продуктам практической истории, структурам и габитусам" позволяет уйти от "неизбежного" выбора между объективизмом и субъективизмом [2, с. 66].

Социальная действительность, по П. Бурдьё, структурирована дважды. Во-первых, существует первичное или объективное структурирование - социальными отношениями. Эти отношения опредмечены в распределениях разнообразных ресурсов (выступающих структурами господства - капиталами) как материального, так и нематериального характера. Во-вторых, социальная действительность структурирована представлениями агентов об этих отношениях, о различных общественных структурах и о социальном мире в целом, которые оказывают обратное воздействие на первичное структурирование. Указанная диалектика отражает процесс интериоризации/экстериоризации, связывающий объективные и субъективные (инкорпорированные) структуры. Социальные отношения, интериоризируясь в процессе осуществления практик, превращаются в *практические схемы* - схемы производства практик. Такие инкорпорированные структуры обуславливают экстериоризацию, т.е. воспроизводство посредством практик агентов, породивших их объективных социальных структур. Способность агентов спонтанно ориен-

---

Французское название этой книги "Raisons pratiques" несомненно перекликается с названием работы И. Канта "Критика чистого разума" и могло бы быть переведено как "Практический разум", однако, поскольку П. Бурдьё использует множественное число, то здесь вступают в игру иные значения слова "raisons" - основания, доводы.

тироваться в социальном пространстве и более или менее адекватно реагировать на события и ситуации, способность, складывающаяся в результате огромной работы по образованию и воспитанию в процессе социализации, кристаллизуется в определенный, соответствующий социальным условиям становления индивида, тип *габитуса*².

Рассмотрение природы различных благ, которые индивиды ставят на карту в борьбе за занятие определенной позиции в поле, привело П. Бурдье к выводу, что за всем богатством и разнообразием ставок скрываются три большие группы, три категории капиталов. *Экономический капитал* - обладание материальными благами, к которым, исходя из их роли всеобщего эквивалента любого товара, можно отнести деньги, помогающие занять преимущественное место в поле, а также и любой товар в широком понимании этого слова. *Культурный капитал* - образование (общее, профессиональное, специальное) и соответствующий диплом, а также тот культурный уровень индивида, который ему достался в наследство от его семьи и усвоен в процессе социализации. *Социальный капитал* - ресурсы, связанные с принадлежностью к группе: сеть мобилизуемых связей, которыми нельзя воспользоваться иначе, как через посредство группы, обладающей определенной властью и способной оказать "услугу за услугу" (семья, друзья, церковь, ассоциация, спортивный или культурный клуб и т.п.). *Символический капитал* - разновидность социального, связан с обладанием определенным авторитетом, репутацией; это капитал признания группой равных и внешними инстанциями (публикой). Распределение капиталов между агентами проявляется как распределение власти и влияния в этом пространстве. Позиции агентов в социальном пространстве определяются объемом и структурой их капиталов. Экономический и культурный капиталы являются источниками власти для тех, кто ими обладает персонально, что дает агенту власть над теми, у кого этого капитала меньше или кто его лишен. Следует заметить, что обозначенные типы капиталов являются не только ставками в игре, ее выигрышем, но и условиями вхождения в саму игру.

Совокупность всех социальных отношений не есть нечто аморфное и однородное, но наделено обусловленной структурой. Данное обстоятельство привело П. Бурдье к формированию понятия "поле", понимаемого как относительно замкнутая и автономная подсистема социальных отношений. Поле - это место сил, относительно независимое пространство, структурированное оппозициями, которые нельзя свести к одной лишь "классовой борьбе"; оно есть особое место, где выражаются самые разнообразные ставки борьбы, но чаще всего в преобразованном виде, который делает их отчасти неузнаваемыми [15, р. 301-302]. Внешний наблюдатель всегда стремится преуменьшить роль этих ставок, сводя их к обычным межличностным или же политическим конфликтам. Поле представляет собой совокупность позиций, которые статистически определяют взгляды занимающих их агентов как на данное поле, так и на их собственные практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение структуры силовых отношений, производящей настоящее поле.

Поле возникает как следствие прогрессирующего общественного разделения практик. Одной из важнейших его характеристик является автономия, т.е. относительная независимость функционирования поля от внешних принуждений. Поле переопределяет все внешние воздействия в собственной "логике". Такое свойство поля П. Бурдье называет *способностью к рефракции*, сила которой измеряется степенью преобразования внешних требований в специфическую, свойственную характеру поля форму [15, р. 306].

Важнейшей характеристикой поля является форма взаимодействий между агентами, чьи позиции в поле должны рассматриваться только во взаимных отношениях. Принцип относительности - важнейший для понимания теории полей и всей концепции П. Бурдье в целом. Агенты определяются через занимаемые ими в поле позиции, отличающиеся друг от друга сочетанием объективированных в них капиталов и, как следствие, специфической властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, ценой, которую надо заплатить, чтобы их занять... Агенты, действующие в поле, наделены постоянными диспозициями, усвоенными за время нахождения в нем.

Логика функционирования поля конструирует из различных позиций (входящих в поле в данный момент времени и в данных условиях) некое пространство возможностей для каждого агента. Ансамбль позиций на деле есть деление поля в соответствии с логикой борьбы за различные возможности. С каждой позицией поля связана система представлений, диспозиций, ин-

---

Более подробный анализ понятия "габитус" и его места в теории и исследовательских проектах П. Бурдье см.: [22].

От лат. *refractus* - преломленный.

тересов и особое видение деления поля. Между полем возможностей, структурой позиций и структурой продукции, производимой в данном поле, существует определенная гомология. В силу этого борьба агентов за сохранение или изменение своей позиции в поле, за трансформацию структуры поля есть в то же время борьба за сохранение или изменение структуры продукции данного поля и инструментов этого производства.

Конечно же, поле не существует в реальности, являясь продуктом социологического конструирования, но вместе с тем оно не произвольно, ибо основывается на социально-исторических фактах. Поле не есть простое обозначение формальных связей, приложимых к любому социальному образованию, но модус социальной действительности, исследование которого представляет собой особую социологическую задачу.

Анализ культурного потребления

На материалах многих исследований Пьер Бурдьё анализирует стили жизни и суждения о вкусе различных социальных групп. Наиболее полно эта проблематика представлена в одной из главных и наиболее цитируемых его работ "Различие. Социальная критика суждения" [7]. В книге представлены результаты масштабного исследования, которое затронуло все основные области культурного потребления: живопись, литературу, музыку, кино, а также кулинарные предпочтения и политические пристрастия.

Исходный тезис Бурдьё состоит в том, что существует "экономика культурных благ", но она обладает специфической логикой, которую необходимо обнаружить, чтобы не впасть в вульгарный экономизм. Для этого нужно прежде всего определить условия, в которых сформировались потребители культурных благ и их вкусы; рассмотреть различные способы потребления легитимных благ (тех, которые в данный момент времени считаются произведениями искусства), а также социальные условия становления принятых в обществе способов освоения и присвоения культуры. П. Бурдьё показывает, что эстетические представления и вкусы не являются чем-то "данным от бога" или результатом свободного выбора индивида, но вытекают из его социальных условий социализации и наличного положения в обществе. Связи между системами классификации (которые называют вкусом) и условиями существования (т.е. тем, что социолог именуется социальным классом), предстают внешнему наблюдателю в превращенной форме, как "выбор", совершаемый социальными субъектами. Социальные субъекты различаются по тому, как они производят различия между красивым и безобразным, вкусным и безвкусным, утонченным и грубым и т.п., в которых выражается или через которые "выдает себя" их положение в объективной социальной классификации. Никто, по мысли П. Бурдьё, не классифицирует себя более, чем сам субъект, когда он определяет, как ему приличествует одеваться, вести себя, говорить, куда ходить в свободное время и т.д.

Проведенное автором исследование дает картину, в которой неразрывно связаны положение в социальной структуре и стили жизни. "В противовес харизматической идеологии, которая представляет вкусы в границах легитимной культуры как природный дар, научное наблюдение показывает, что культурные потребности являются продуктом воспитания: опрос фиксирует, что все виды культурной практики (посещение музеев, концертов, выставок, чтение и т.п.), а также литературные, художественные и музыкальные предпочтения тесно связаны с уровнем образования (измеренным по наличию и типу диплома или по количеству лет обучения), и, во вторую очередь, с социальным происхождением" [7, р. 1]. Среди факторов, определяющих культурные предпочтения, П. Бурдьё выделяет семейное воспитание (накопленный семейный культурный капитал) и образование, эффективность и продолжительность которого, в свою очередь, зависит от социального происхождения. Особенно сильно эти факторы проявляются в случае восприятия и оценки авангардных культурных течений. Социально признаваемой иерархии течений, стилей, школ в искусстве соответствует социальная иерархия потребителей, поэтому вкус служит "маркером" класса. Исследуя публику музеев, П. Бурдьё отмечает "замешательство и даже расстройство, на которое обрекает наиболее культурно обделенных посетителей музеев недостаток минимального владения инструментами восприятия и оценивания, и, особенно, незнание этикеток и кодов, таких как названия жанров, школ, эпох, художников и др." [5].

Согласно П. Бурдьё, произведение искусства - не "вещь в себе". Оно являет собой символический объект, наделенный смыслом и ценностью. Но атрибуция смысла и ценности происходит лишь при условии, что данный объект воспринимается зрителями, обладающими определенным набором эстетических диспозиций и компетенцией: именно эстетический взгляд конституирует

произведение искусства как таковое. Вместе с тем, эстетический взгляд сам является результатом формирующего воздействия, знакомства с произведениями искусства. "Опыт произведения искусства в качестве непосредственно наделенного смыслом и ценностью, - утверждает П. Бурдьё, - есть результат согласования двух моментов одного и того же исторического института: культурного габитуса и художественного поля. Эти моменты взаимно обуславливают друг друга" [13, p. 97].

Характерологические структуры определенного класса условий существования, понимаемые как экономическая и социальная необходимость и семейные связи, лежат в основе того, что Бурдьё называет ансамблем практических схем (схем производства практик агентом) или габитусом, порождающим практики и представления. "Габитус как структурирующая структура (которая организует практики и их восприятие), есть также и структурированная структура: принцип деления на логические классы, организующий восприятие социального мира, сам является продуктом инкорпорации деления на социальные классы. ...Наиболее основополагающие оппозиции структуры состояний (высокий/низкий, богатый/бедный и т.п.) стремятся навязать себя в качестве фундаментальных принципов структурирования практик и восприятия этих практик. ...Стили жизни также являются систематическими продуктами габитусов, которые, будучи восприняты во взаимосвязях в соответствии со схемами габитуса, становятся системами социально квалифицированных знаков (например, "утонченный", "вульгарный" и т.п.). Диалектика состояний и габитусов лежит в основании алхимии, трансформирующей распределение капитала как итога отношения сил в систему воспринимаемых различий, отличающих свойств, в распределение символического капитала, т.е. легитимного капитала, непризнанного в своей объективной истине" [7, p. 191-192].

Исследование культурного производства

Анализ культурного производства с позиций генетического структурализма предполагает рассмотрение процесса формирования и автономизации художественного поля, становление институтов профессионализации, посвящения и освящения, целой сети специфических инстанций, составляющих условия производства и распространения произведений. Прежде всего, история становления художественного поля есть история его автономизации, в процессе которой возникают характерные агенты (художники, критики, историографы, хранители), а также категории и понятия (жанры, манеры, стили), технические приемы. Кроме того, необходимо описать постепенное формирование совокупности социальных условий, которые делают возможным существование фигуры художника как производителя такого "фетиша", каким является произведение искусства. Структурно-генетический анализ рассматривает художественное поле как "место, где производится и непрерывно воспроизводится вера в ценность искусства и в способность художника создавать эту ценность" [11, p. 100]. П. Бурдьё выделяет четыре главных социальных условия формирования поля художественного производства. Во-первых, наличие тех, кто исследует художественное творчество: историки, критики, искусствоведы и т.п. Во-вторых, существование инстанций посвящения: академии, салоны, литературные и художественные премии. В-третьих, создание институтов производства и воспроизводства как самих художников, так и публики: школы, курсы. В-четвертых, присутствие специализированных агентов, ответственных за "экономику культурных товаров": продавцы, галерейщики, эксперты, оценщики и т.д. Такого рода специализированные агенты наделены особыми диспозициями и категориями восприятия и суждения, которые отличают их от "рядового потребителя" и благодаря которым они могут навязать собственную шкалу ценности художника и его произведения [11, p. 101].

Начав исследования по социологии культуры с интеллектуалов, П. Бурдьё постоянно расширял объект изучения в направлениях, представляющих различные области творчества: литература, живопись, наука, высокая мода, фотография - все то, что в дальнейшем он объединит под термином "культурное производство" или производство "символических благ" [3, 5, 6, 8, 12, 15]. Не все эти области в равной мере разработаны в трудах П. Бурдьё и его школы. Особое

О месте исследований культуры в работе П. Бурдьё свидетельствует факт создания им Центра социологии образования и культуры, имеющего двойное подчинение: Национальному центру научных исследований Франции (CNRS) и Высшей школе социальных наук. В этом центре сотрудники, представляющие "школу Бурдьё", многие годы ведут исследования по социологии литературы, искусства, средств массовой информации и системы образования.

место занимают исследования образования как механизма социального воспроизводства [10, 12] и воспроизводства доминирующей модели культуры [5-7]. П. Бурдьё связал суждения вкуса с социальными факторами, демистифицировав, таким образом, "сакральные" сюжеты, к которым социолог не допускался. В разное время и с разной степенью разработки П. Бурдьё обращался к анализу таких авторов, как Г. Флобер, М. Пруст, Л.-Ф. Селин, Ш. Бодлер [15].

Можно сказать, что именно с конструирования поля литературы начала складываться общая концепция полей П. Бурдьё. По собственному его утверждению, концепция поля «родилась от встречи исследований по социологии искусства, с которых я начинал, преподавая в 60-е годы в *Ecole Normale*, и моих комментариев к главе по социологии религии "Хозяйства и общества"» [1, с. 43]. Первой в ряду работ на эту тему можно назвать статью "Интеллектуальное поле и творческий проект" [8], опубликованную в сартровском журнале *"Le Temps modernes"*, а среди последних - книгу "Правила искусства" [15]. В этой книге он указывает на два просчета, которые, как считает, допускал вначале. Первый связан с редукцией объективных отношений позиций к взаимодействию агентов, а второй - с изоляцией поля культурного производства от поля власти, вследствие чего оставалась в стороне действительная причина многих специфических свойств данного поля [15, р. 260]. Своими исследованиями структуры различных полей культурного производства: науки, литературы, издательств - П. Бурдьё показывает, что отношения между позициями в этих полях (не только и не столько индивидуальными, но, в первую очередь, институционализированными, коллективными позициями) должны рассматриваться относительно позиций в поле власти, понимаемой расширительно, как отношения доминирования.

Вместе с тем, П. Бурдьё прилагает особые усилия, чтобы предостеречь читателя от прямолинейного и упрощенного понимания его концепции властных отношений, вокруг которых выстраивается поле. В частности, в том, что касается его исследований поля науки, научной коммуникации, производства знания, он стремится как можно более точно определить свою позицию относительно Ю. Хабермаса и М. Фуко [13, р. 182-187]. Дистанцируясь от Ю. Хабермаса, он подчеркивает, что отношения в поле науки (то же можно отнести и к другим полям культурного производства) нельзя редуцировать к модели интеллектуальных обменов, подчиняющихся "силе наилучшего аргумента". С другой стороны, эти отношения не являются простыми отношениями силы и борьбы интересов, согласно модели "знание-сила" или, в немного преобразованном виде в версии Фуко "власть/знание", когда смысл науки и научной коммуникации сводится исключительно к борьбе интересов. Для П. Бурдьё, "стремление к накоплению знаний и навыков неотделимо от поиска признания и желания создать себе имя" [13, р. 132]. Например, то или иное литературное или научное направление, выражающееся в соответствующих публикациях, журналах, школах и представляющее собой отдельную позицию, подразумевает наличие агентов (авторов, ученых), также занимающих отдельные определенные (доминирующие, руководящие, признанные официально или, напротив, непризнанные, отрицаемые, подчиненные; получающие или не получающие гранты и т.п.) позиции в поле. "Процесс создания произведений есть продукт борьбы между агентами, которые в зависимости от их позиции в поле, связанной с обладанием специфическим капиталом, заинтересованы в консерватизме или в перевороте, который порой принимает форму возврата к истокам, первоначальной чистоте и еретической критике" [14, р. 70].

Специфика поля культурного производства состоит в сочетании двух составляющих: силовых и смысловых отношений. Если первые проявляются как конкуренция, борьба за монополию обладания доминирующими позициями, за признание, то вторые выстраиваются на основе оппозиции стилей, течений, форм коммуникации, принятых в данном поле. Конкуренция за легитимное доминирование в поле, принимающая форму борьбы за собственный авторитет и попытки подорвать авторитет других, приводит к постоянным изменениям его конфигурации. Писатель или художник творят не только для публики, но и для своих коллег, выступающих в качестве конкурентов. Соперничество в поле культуры "производит специфическую форму интереса, который кажется бескорыстным только в сравнении с обычными интересами, особенно к власти и деньгам, и ориентирован на завоевание монополии на авторитет, где тесно переплетены техническая компетентность и символическая власть" [13, р. 131].

Посредством иерархии жанров и произведений поле оказывает давление на автора, который, с одной стороны, вынужден учитывать сложившуюся систему, чтобы успешно вписаться в поле, а с другой - должен утвердить свои отличия от других авторов через новации, дающие потенциальную возможность перекроить устоявшуюся конфигурацию позиций. Невозможно определить место конкретного произведения, не обращаясь к анализу скрытых от глаз читателя факторов: в оппозицию кому из коллег оно было создано, какие ресурсы использует автор для утверждения своей позиции. В поле литературы, также как и в любом другом поле культурного

производства, существует оппозиция "мэтров", носителей традиции, представляющих доминирующие течения и жанры, - "новичкам", работающим в новых, маргинальных жанрах и стилях. Важнейшей особенностью поля символических благ является, таким образом, подчинение создателей правилам специфической игры, состоящей в определении места каждого из них в зависимости от степени признания публикой и коллегами, учитывая постоянно обновляющиеся - вследствие изменения соотношений между традицией и новациями - критерии классификации.

Позиции в поле и занимающие их авторы рассматриваются в зависимости от сложившейся на данный момент структуры, где каждой позиции соответствует определенная ценность, детерминированная специфическим сочетанием капиталов (культурных, экономических, символических, бюрократических) и соответствующих возможностей и запретов. Фактор времени, т.е. продолжительность пребывания в поле, играет важнейшую роль. В принципе, можно выделить несколько этапов профессиональной траектории создателя культурного продукта: период "ученый" и самоопределения в жанрово-стилевом пространстве, когда все пути кажутся открытыми, а возможности - неопределенными; период "накопления стажа" и самоутверждения, подразумевающий более реалистическое видение собственных возможностей и утрату иллюзий относительно открытости всех позиций; период зрелости, подразумевающий - в частности, для занимающих подчиненные, наименее "ценные" позиции - согласие с "выделенным" им местом, когда нужда становится добродетелью. Стратегии агентов поля, желающих изменить свою позицию в иерархии, направлены на нарушение этих предписываемых возможностей и запретов, посредством экспериментирования, блефа, эпатажа и т.п. Наиболее яркими примерами такой игры, изменяющей иерархии в поле вследствие радикальной новации, П. Бурдьё считает Шарля Бодлера в литературе и Эдуарда Мане в живописи [15, p. 75-181; 13, p. 101-109].

Жизненная и творческая траектории Ш. Бодлера представляют модель символической революции: поэт утверждает себя и свое творчество посредством невиданного ранее соединения эстетического авангарда с этическим. Действуя во имя культа чистой формы, он отказывается подчиняться внешним принуждениям и соблюдать официальные нормы, но в то же время он отказывается и от сектантского следования требованиям чистой формы, провозглашая "чарующие" функции поэзии и жизни. Ш. Бодлер, таким образом, встает в оппозицию одновременно к двум противоположным полюсам, но вместе с тем, он берет от каждого из них то, что составляет суть противостояния. Вместо того, чтобы выбирать из пространства возможного, он дает себе труд создать новое пространство, ощущая изначальную нехватку не только существующих выразительных средств, но и социальных форм отношения поэта с миром. Положение поэта оказывается, таким образом, "невозможным", в постоянной трансгрессии, в разрыве и с реальностью, и с идеалом. Аналогична позиция Э. Мане, противопоставившего себя академизму через освоение и "снятие" классических образцов и отказавшегося от объема, перспективы, полутонов. П. Бурдьё подчеркивает тот факт, что категории восприятия, применяемые в настоящее время к оценке поэзии, на деле являются плодами совершенной Ш. Бодлером символической революции, но критика пользуется ими как естественными, очевидными категориями. "Самые героические прорывы превращаются со временем в наследные кастовые привилегии, доступные ничтожному из писак... самому посредственному прислужнику академического культа анти-академизма" [13, p. 102].

Стремление "десакрализировать" творчество, культуру, объективировать позиции и диспозиции "культурных производителей" привело П. Бурдьё к употреблению "ортодоксальной" терминологии политической экономии. Этот факт объясняется попыткой ввести социологическое объяснение сферы культуры, откуда исторически, с приходом модернистского видения искусства и становления автономии поля культуры, было изгнано научное ("сциентистское") мышление: "История интеллектуальной и художественной жизни может быть понята как история изменений функций институций по производству символической продукции и самой структуры этой продукции, что соотносится с постепенным становлением интеллектуального и художественного поля, т.е. как история автономизации собственно культурных отношений производства, обращения и потребления" [3, с. 49]. Концепт "производство" аналитически указывает, что любая практика агента есть действие над и с условиями/предпосылками [практики], влекущая за собой их изменение или воссоздание: практики производят/воспроизводят условия производства, понимаемые как социальные отношения. Иными словами, помимо своего непосредственного результата (в случае интеллектуального и художественного производства речь идет о символической продукции) практики интеллектуалов, как и любых других агентов, производят и воспроизводят социальные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурдьё П.* Начала. Choses dites / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
2. *Бурдьё П.* Практический смысл: Пер. с франц. / Общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
3. *Бурдьё П.* Рынок символической продукции / Пер. с франц. Е.Д. Вознесенской // Вопросы социологии. 1993. № 1/2.
4. *Бурдьё П.* Социология политики: Пер. с франц. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
5. *Bourdieu P.* L'Amour de l'art. Les musees de l'art europeens et leur public. P.: Minuit, 1966, 1969 (avec A. Darbel, D. Schnapper).
6. *Bourdieu P.* Un art moyen. Essai sur les usages sociaux de la photographie. P.: Minuit, 1965 (avec L. Boltanski, R. Castel, J.-C. Chamboredon).
7. *Bourdieu P.* La Distinction. Critique sociale du jugement. P.: Minuit, 1979.
8. *Bourdieu P.* Champ intellectuel et projet createur // Les temps modernes. 1966. № 246.
9. *Bourdieu P.* Champ scientifique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1976. № 2/3.
10. *Bourdieu P.* Les etudiants et leurs etudes. P.: EHESS-Mouton, 1964 (avec J.-C. Passeron, M. Eliard).
11. *Bourdieu P.* Genese historique d'une esthetique pure // Les cahiers du Musee national d'art moderne. Printemps 1989, pp. 95-106.
12. *Bourdieu P.* Les Heritiers. Les etudiants et la culture. P.: Minuit, 1964 (avec J.-C. Passeron).
13. *Bourdieu P.* Meditations pascaliennes. P.: Seuil, 1997.
14. *Bourdieu P.* Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. P.: Seuil, 1994.
15. *Bourdieu P.* Les Regies de Fart. Genese et structure du champ litteraire. P.: Seuil, 1992.
16. *Bourdieu P.* Reponses. Pour une anthropologie reflexive. P.: Seuil, 1992 (avec L.J.D. Wacquant).
17. *Bourdieu P.* Questions de sociologie. P.: Minuit, 1980.
18. *Accardo A.* Introduction a une sociologie critique: lire Bourdieu. P.: Mascaret, 1997.
19. *Ansart P.* Les sociologies contemporaines. P.: Seuil, 1990.
20. *Bonnewitz P.* Premieres lecons sur la sociologie de P. Bourdieu. P.: PUF, 1997.
21. *Коркюф Ф.* Новые социологии / Пер. с франц. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; научн. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.
22. *Шматко Н.А.* "Габитус" в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. 1998. № 2. С. 60-70.